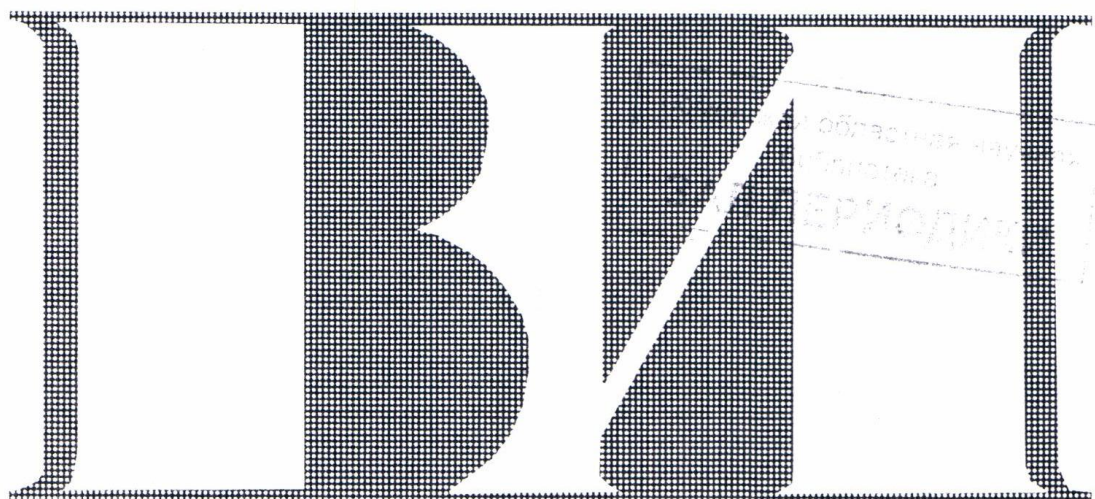

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2014

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

Тюменская областная научная
библиотека,
ЗАЛ ПЕРИОДИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.А. Воропанов, Е.А. Крестьянников** — М.М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.В. Кива** — Дэн Сяопин 19

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.Ю. Ватлин** — Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г. 37

СООБЩЕНИЯ

- Г.А. Куренков** — Обеспечение системы защиты информации накануне Великой Отечественной войны 48
- В.А. Поляков** — Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь в 1922 г. 60
- М.М. Фролова** — Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г. 77

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

М.М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в.

В.А. Воропанов, Е.А. Крестьянников

В XIX столетие Россия вступала с юстицией, характеризовавшейся подчиненностью администрации, сословностью, господством розыскных начал и канцелярской тайны в уголовном процессе. Скромность задач, поставленных верховной властью перед судебной системой, способствовала ее наполнению чиновниками, часто неспособными сознательно и добросовестно служить Фемиде, оправдывая постоянный контроль и опеку со стороны государства над деятельностью в сфере правосудия.

Между тем, Александра I беспокоило положение дел в Сибири: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края»¹. Желая видеть в должности доверенное лицо и намериваясь исправить ситуацию в регионе, царь указом от 22 марта 1819 г. определил пензенского гражданского губернатора М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором с целью изучить наболевшие проблемы в практике регионального администрирования, удовлетворить массовые жалобы и иски сибиряков, пересмотреть кадровый состав служащих².

Император связал его возвращение в столицу с успешным завершением миссии в Сибири. «Потщитесь исполнить возлагаемое мной на вас ныне поручение с тем дарованием и исправностью, кои вас отличают, — наставлял и обнадеживал император вновь назначенного генерал-губернатора, — и тогда приедете в Петербург с явной новой заслугой, оказанной отечеству, и которая поставит меня в действительную возможность основать уже ваше пребывание навсегда при мне в Петербурге»³. В то же время при планировании реформы сибирского управления перед Сперанским стояла задача избежать возможного гнева недоброжелателей, не допустив «либеральных излишеств» (один из мемуаристов вспоминал о нереализованных намере-

Воропанов Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; *Крестьянников Евгений Адольфович* — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета.

ниях «великого реформатора»: «Раз, я случайно слышал, как говорили люди, имеющие возможность знать многое, что Сперанский сначала хотел сделать из Сибири Финляндию, но получил совет — не начинать» ⁴).

Имелось ли у Сперанского желание внимательно отнестись к удовлетворению нужд Сибири сверх предписанного императором и продиктованного местными условиями? Чиновник с предубеждением относился к краю ⁵, принял назначение с «чувством глубокой печали» ⁶, а его знаменитое — «Сибирь есть просто Сибирь» — являлось важной составляющей программы. Эта часть России представлялась ему лишь «прекрасным» местом для ссылки, выгодным для определенных видов торговли и разработки некоторых полезных ископаемых, любопытным для генералов; для «жизни и высшего гражданского образования» оно признавалось непригодным ⁷. Здесь Сперанский чувствовал себя некомфортно и изолированно. «Вы пишете, что в Сибири, ничего не читая, можно заржаветь. Сие в Сибири так, как и везде. Здесь многие и весьма многие ржавчиной провоняли», — своеобразно подбадривал генерал-губернатора министр внутренних дел и влиятельнейший сановник О.П. Козодавлев ⁸.

В конце мая 1819 г. Сперанский прибыл в Тобольск ⁹. Оправданно считая направление за Урал временным поручением, а себя более ревизором, чем администратором ¹⁰, руководитель огромной территории начал масштабную проверку деятельности местных государственных органов, исследуя, между прочим, состояние юстиции ¹¹. В своем распоряжении он имел «Инструкцию для обревизования губерний» от 17 марта 1819 г. ¹², которая предписывала, наряду с другими обязанностями, выяснить, «все ли судилища и места наполнены определенным числом чиновников и канцелярских служителей, и буде нет, то какие именно причины производят сей недостаток», и «нет ли в числе уголовных дел таких, по коим подсудимые изнуряются долговременным содержанием под стражей» ¹³?

Сперанский, по словам лидера сибирского областничества Н.М. Ядринцева, «застал Сибирь в жалком положении» ¹⁴. Приступив к ревизии, он сразу столкнулся с характерными для края традициями, не оставлявшими сомнений в том, что у сибиряка и местного чиновника бытовали взаимоотношения особого рода. При въезде в Тюмень депутация городского общества преподнесла генерал-губернатору хлеб с солью на дорогом серебряном блюде. Хлеб-соль он принял, блюдо и солонку возвратил ¹⁵. Тюменцы не смогли до конца понять и оценить символический жест нового сибирского начальника, обещавший беспристрастность в дальнейших обследованиях. До этого единственная крупная ревизионная проверка Западной Сибири была проведена в 1800 г., но, по мнению одного из биографов Сперанского, А.Э. Нольде, она «результатов никаких не дала» ¹⁶, следовательно, оставалось неизвестным, в каком положении находилась и юстиция. В конце 1810-х — начале 1820-х гг. новоиспеченный ревизор «нашел явные следы неправосудия и пристрастия» в регионе, обнаружил, что «лицеприятие в судах не переводилось» ¹⁷. Уголовные дела рассматривались десятками лет ¹⁸, в частности, волокита отмечалась в большинстве уездных судов Тобольской губернии ¹⁹, а в Тобольской уголовной палате обнаружилось много производств, остававшихся «в нерешении с давнего времени» ²⁰.

Проволочки и злоупотребления были свойственны всей юстиции Российской империи, но на окраине они усугублялись недостатком надзора и произволом никем неконтролируемого чиновничества. И.Б. Пестель, бывший до Сперанского сибирским генерал-губернатором (с 1806 г.), с которым император связывал большие надежды по созданию в крае справедливого суда ²¹, предпочел управлять из столицы, и на деле, как указывал Ядринцев, «отрезал Сибирь от всякого правосудия» ²². Местные же губернаторы, поставленные им, не отличались служебным рвением и честностью, чтобы бороться с неправым судом. По разным характеристикам, тобольский губернатор Ф.А. фон Брин «был в очень преклонном возрасте и ни во что не входил», «слабый и ничтожный, представлял одно игрище окружавших его лиц», «старый и слабый, зять Пестеля и, следовательно, покорнейший слуга»; томский же губернатор Д.В. Илличевский представлялся «обыкновенным взяточником того времени, из мелких», «самым грязным взяточником низшего разряда», «недалеким, безнравственным и деспотичным» ²³.

Ревизор выявил множественные злоупотребления управленцев, что неудивительно. Дореволюционный исследователь В.К. Андриевич, давая самые негативные оценки тогдашней российской административно-судебной системы («Взяточничество и лихоимство царили повсеместно и не считались явлением предосудительным... При таком режиме общественной жизни чиновники администрации и суда, поддаваясь общему влечению, тоже кривили душой и жали подчиненных и слабых; произвол властей стал нормальным порядком»), подчеркивал, что такая «непривлекательная» картина применительно к Сибири «слаба», «там жизнь народа была просто невыносима» ²⁴.

Наказания, которым подверглись в ходе ревизии провинившиеся чиновники, не являлись суровыми. Например, в 1821 г. Тобольское губернское правление во главе с губернатором А.С. Осиповым потребовало от Тобольского уездного суда объяснений за выявленные в ходе проверок недостатки и злоупотребления. Судьи без особого труда ушли от ответственности, заявив, что беспорядок достался им с «прежних времен», «упущения» допустили «бывшие в сем суде присутствовавшие». Правление «пожурило» членов суда, действовавшего в губернском центре, обязав их привести делопроизводство в надлежащий порядок, нерешенные дела «кончить в немедленном времени», а в будущем «иметь дела в совершенной исправности». Чиновники Омского уездного суда за беспорядок отчитались перед губернским правлением тем, что дела решались неправильно бывшими судьями. Сейчас же, уверяли они, «неисправности прежних лет приводятся в возможный порядок и должны кончиться с приведением в исправность дел» ²⁵. Губернское правление поверило и этому обещанию.

Невысокая степень репрессий в отношении провинившихся служащих соответствовала общему духу проверки. Как известно, из привлеченных к ответственности в Сибири почти семи сотен лиц пострадали немногие, что объяснялось, кроме прочего, «природной снисходительностью» и «неспособностью по своей природе» «к крутым мерам» Сперанского ²⁶. Его современник Э. Стогов с характерным сарказмом рассказывал про нанесенный тогда сибирским чиновни-

кам урон: «Сперанский немилосердно, жестоко наказал этих грабителей — он сослал их в Россию! Они, бедные страдальцы, переехали — кто в Москву, кто в Петербург. Хотя жестокое, но оригинальное наказание — ссылка из Сибири в столицы» ²⁷!

В феврале 1821 г. генерал-губернатор, раздав поручения местному начальству, отбыл «по делам службы» в столицу ²⁸, где представил в учрежденный по его инициативе Сибирский комитет отчет о состоянии сибирского управления ²⁹ и в короткое время составил проект его реформирования. 1822 г. ознаменовался утверждением ряда законодательных актов, устанавливавших в Сибири новую административную систему, прежде всего, «Учреждения для управления сибирских губерний» (далее — «Сибирское учреждение») ³⁰. В рамках преобразования проводилась судебная реформа, продолжившая процесс унификации местной системы правосудия с учетом комплекса особенностей удаленного края.

Возглавили местную юстицию губернские суды, рассматривавшие «гражданские дела по апелляциям, а уголовные и следственные по ревизии», им же передавались обязанности совестных судов. В округах — аналоге российских уездов — создавались окружные суды. Согласно новым штатам, в Западной Сибири действовали 19 судов общей подсудности первого звена: 9 в Тобольской губернии, 6 в Томской губернии и 4 в Омской области.

Преобразование юстиции проводилось в сжатые сроки. Сибирский комитет 9 октября 1822 г. предписал осуществить его в начале 1823 года. Изменения в составе и наименовании судебных органов заключались в следующем: тобольские палаты уголовного и гражданского суда «соединялись в одно установление под именем губернского суда»; Томский гражданский и уголовный суд теперь «назывался губернским судом»; закрывались «совестные суды в губерниях Тобольской, Томской и Иркутской и дела, в оных находящиеся», передавались в губернские суды; «уездные суды и судьи переименовывались в окружные». Тобольское губернское правление отчиталось за действия по введению нового судоустройства перед преемником Сперанского генерал-губернатором Западной Сибири П.М. Капцевичем 19 января 1823 года. Томское губернское правление представило отчет по введению «Сибирского учреждения» 16 февраля ³¹.

Оценка реформы 1822 г. и ее судебной составляющей как неудачной ³² связывалась, помимо прочего, с тем, что «войти глубоко, войти с любовью в сибирские дела, Сперанский не хотел» и «все время мысли его были далеко от Сибири» ³³; он «слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать самые учреждения» ³⁴. Созданная тогда система не изменила старых порядков, при которых многое зависело от личности чиновника, его ответственности, деловых и нравственных качеств, а ее функционирование не избавилось от подчиненности сибирским условиям. Сам Сперанский в письме Капцевичу скромно оценивал глубину изменений: «Общая черта всех сих учреждений есть та, чтоб вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они представляют более план к постепенному образованию сибирского управления,

нежели внезапную перемену»³⁵. Надо отметить, что «великий реформатор» пытался заглянуть в перспективу: «Михаил Михайлович трудился не над исправлением прошедшего зла, чего и невозможно было исправить, была бы бесплодная работа, он трудился над устранением зла в будущем и работал — пересоздать управление Сибири»³⁶. Однако сделать это в полной мере не удалось.

Устоявшаяся традиция делить дореволюционную историю Сибири на эпохи «до Сперанского» и «после Сперанского»³⁷ связана скорее с величием личности государственного деятеля, нежели с тем, что он дал краю. В каком-то отношении реформатор в своей жажде вернуться в Петербург даже скомпрометировал себя деятельностью по преобразованию сибирского региона. Так, еще один его преемник, восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский неоднократно говорил о нем: «Человек готовился лазить на колокольню и звонить в колокола, а ему поручили переделать край! Хорош реформатор!» И прибавлял непечатные слова³⁸. На предубежденное отношение Сперанского к краю и «тоскливое стремление к столице»³⁹, на его надежды, что поэты «из рода тунгусов и остяков воспоют имя его, как греки воспевали Кадма или скандинавы Одина»⁴⁰, сибиряки отвечали порой неприязненно. «Михайло Сперанский, сын не дворянский, сын попов, из больших плутов», — передавали они между собой⁴¹.

При этом нельзя отрицать, что управленческая модель, насажденная тогда в Сибири, служившая даже примером для последующих царских сановников⁴², создала относительно стройную и менее запутанную, по сравнению с общероссийской юстицией, судебную систему. В то же время, несколько упорядочив судоустройство, реформа 1822 г., сводившаяся по большому счету к разного рода «переименованиям», не улучшила правосудие в целом. «Сибирское учреждение» оставило в неприкосновенности процесс: «В прочем наблюдаются правила, для производства судебных дел вообще установленные»⁴³. В течение последующих шести десятков лет судоустройство в Сибири подвергалось лишь частным и незначительным изменениям, зачастую следовавшим вслед за «ревизионными встрясками»; ведь только они в условиях отсутствия общественного контроля над деятельностью государственных органов позволяли хоть как-то выяснить настоящее положение дел; реорганизации судебной системы в крае впредь определялись тенденциями развития общероссийской административно-судебной системы (С.М. Прутченко указывал: «Сибирское управление развивалось, однако, в зависимости от общерусского управления в ядре государства; важнейшие организационные вопросы, затронутые учреждением 1822 г., должны были испытать влияние хода событий, обусловивших развитие русского областного управления в эпоху, следовавшую за сибирской реформой»⁴⁴) и диктовались необходимостью ее приспособления к сибирским условиям.

В ходе преобразований Сперанского перестраивались городские сословные суды. Хотя характерный «екатерининский» взгляд на правосудие, когда «каждое состояние должно судиться равным себе состоянием»⁴⁵, еще существовал, в первой половине XIX в. он стал переосмысливаться. При проведении административно-судебной реформы в Сибири принцип сословного судопроизводства сохранился,

но в несколько ослабленном виде. В населенных пунктах, признанных «многолюдными», вместо привычных городских магистратов в качестве первой инстанции по делам купцов и мещан открывались городские суды, имевшие сокращенный состав присутствий, в «средних» городах «хозяйственная часть» и суд объединялись в ратуши, население «малоллюдных» городов не получало собственного судебного органа — его дела ведались в окружных судах. Законодатель подтвердил, что «по делам людей духовного, купеческого и мещанского звания, там, где нет особенных городских судов, присутствуют в суде депутаты сих состояний»⁴⁶. Впрочем, избрание заседателей от горожан предоставлялось на их усмотрение: 9 октября 1822 г. Сибирский комитет инструктировал местную администрацию о том, что городские обыватели «могут избирать и не избирать». Купцы и мещане Тобольска и Томска отказались от представительства сословий в губернских судах⁴⁷. К концу реформы в крае действовали 4 городских суда — Кузнецкий, Тобольский, Томский, Тюменский и 6 ратуш — Барнаульская, Каинская, Нарымская, Семипалатинская, Тарская и Туринская. Ведомству судов принадлежало словесное судопроизводство, ратуши осуществляли функции опекунских органов. В «малоллюдных» поселениях предусматривались выборы старост и словесных судей, дела их жителей передавались для разбирательств в окружные суды⁴⁸.

Городские сословия серьезно относились к членству в собственных судах, выборы в которые проходили достаточно демократично и заинтересованно с их стороны. Так, в 1827 г. при избрании состава Томского городского суда за одного кандидата в городские судьи было подано 102 голоса, за другого — 69; за заседателей от купечества соответственно 107 и 78, от мещан — 108 и 85⁴⁹. Однако, несмотря на динамичное развитие городских сословий в Западной Сибири во второй четверти XIX в., роль купечества и мещанства, не превышавших 2,5—3% жителей, в экономическом и культурном подъеме региона оставалась недостаточно активной. Города края являлись, прежде всего, центрами сосредоточения правительственной администрации. В 1840-х гг. на долю дворян и чиновников приходилось более 7% городских обывателей, еще 5% представлял контингент ссыльных. В ряде городов сохранялся высокий удельный вес крестьян, в частности, 62,5% — в Тюкалинске, 39,2 — в Колывани, 27 — в Тюмени, по 21% — в Ишиме и Ялуторовске⁵⁰. После введения «Сибирского учреждения» потребовалось совершенствование системы управления и суда, не всегда разумно устроенной и применимой к местным условиям. Рационализация, унификация и упрощение являлись главными векторами развития сибирской юстиции в 1820-х — 1860-х годах. Так, в 1830 г., задолго до начала кампании по упразднению сословных судов, Сибирский комитет, удовлетворяя желание нарымских мещан упразднить ратушу, возложил «хозяйственное управление» в Нарыме на словесный суд и старосту, передав разбор судебных дел Томскому окружному суду⁵¹. В 1831 г. в разряд средних по числу жителей поселений был переведен Кузнецк, и магистрат окружного центра переименовали в ратушу⁵².

Реформа Сперанского в Сибири закрепила управленческую модель, при которой юстиция тесно взаимодействовала с администра-

цией и ей подчинялась; генерал-губернаторы получили право и обязывались в порядке управления во всех ведомствах побуждать чиновников к скорейшему разрешению дел, определять и увольнять служащих, проводить ревизии государственных органов; гражданским губернаторам предписывалось пересматривать уголовные дела и обозревать/ревизовать губернские присутственные места⁵³. Таким образом устанавливался ревизионный административный порядок: «основные цели программы» Сперанского — «контроль, гласность и “публичность” управления, — констатировал Ядринцев, — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им»⁵⁴.

«Великий реформатор» подчеркивал: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию»⁵⁵. В период действия «Сибирского учреждения» правительство провело всего две масштабные ревизионные проверки Западной Сибири: в 1827 г. сенаторами Б.А. Куракиным и В.К. Безродным, в 1851 г. — членом Государственного совета Н.Н. Анненковым. Роль местных ревизоров, таким образом, еще более возрастала. Начало обследованию судебных органов было положено в первый год их деятельности. Тогда Капцевич при ревизии Ишимского и Тарского окружных судов обнаружил медленность делопроизводства, «запущения и расстройство в делах», а на виновников нарушений наложил пени⁵⁶. Осипов же выявил незаконное расходование средств в Тобольском городском суде, с членов и секретаря которого предписывалось взыскать растраченную сумму⁵⁷.

Некоторые руководители, «обозрев» деятельность местной юстиции, пытались сигнализировать об ее недостатках столичным чиновникам. Тобольский губернатор, бывший декабрист А.Н. Муравьев в своей записке А.Х. Бенкендорфу «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии» от 12 декабря 1833 г. рассказывал о деятельности окружных судов: «злоупотребления в сих местах гораздо менее и реже, чем в земских судах, хотя и в них личные виды составляют перевес в некоторых делах». Сравнительное благополучие этих судов объяснялось отнюдь не честностью судей, а мизерностью числа гражданских дел, рассмотрение которых позволяло бы «воспользоваться деньгами», и предварительными поборами («стеснительными сборами») полицейских чиновников — после них взять с подсудимого было нечего. Тобольский губернский суд, отмечал губернатор, работал весьма медленно, гражданских дел производилось в нем мало, а его председатель С.И. Кукуранов был бездействен и неприлежен «в решении дел»⁵⁸.

В середине XIX в. внимание к потребностям правосудия, обусловленное изменением правительственного курса по отношению к Сибири, переходом самодержавия от фискального подхода к решению социально-экономических и политических проблем края, повысилось⁵⁹. Активизировалась ревизионная деятельность, толчком к чему послужила проверка состояния Западной Сибири Анненковым. Хотя император поручил ему лишь «осмотреть главнейшие части военно-сухопутного ведомства, и по гражданскому отделению те части, кои он признает нужным»⁶⁰, по словам главного помощника ревизора В.А. Арцимовича, предпринимались «строгие и подробные ревизи-

зии» местной юстиции⁶¹. Деятельность в качестве ревизора и губернатора позволила последнему составить целостное представление о судебных порядках края. Став начальником Тобольской губернии в 1854 г., он обследовал окружные суды. В Тюмени таковой «оказался неудовлетворительным, ибо решал мало дел, многим из них давал неправильный ход, иные оставлял без движения требованием излишних сведений и справок, которые были до того странны, что их можно отнести только или к намеренному продолжению дела, или к весьма мелочному, вовсе неслужебному любопытству. Самый состав суда был неудовлетворителен». Помощник губернатора и его шурин, чиновник особых поручений В.М. Жемчужников (в будущем — поэт, один из создателей Козьмы Пруtkова) рассказывал об обнаруженных в ходе проверок анекдотических случаях из деятельности судебной системы. Так, в Ялуторовске «окружной судья, исполняя должность городничего, пьяный, украл при обыске у одного мещанина две серебряные ложки», в другом случае «заседатель окружного суда укрывал в подполье всех беглых, сам освобождал их из острога и делился с ними краденными вещами»⁶².

Ревизионный порядок продемонстрировал свою полную несостоятельность. Вскрывавшиеся в ходе обследований недостатки не исправлялись, повторяясь от проверки к проверке. Так, ревизия Ялуторовского окружного суда в августе 1859 г. обнаружила некоторые дела, которые «давно могли бы быть кончены, если бы суд более заботился о скорейшем их производстве и своевременно относился по ним со своими требованиями в другие присутственные места»⁶³. Через 6 лет в производстве уголовных дел отмечалась та же «медленность в вынесении». В те же сроки не повысилась скорость рассмотрения дел и в Омском суде: в 1866 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович констатировал, что там «медленность в производстве дел встречается почти по каждому делу»⁶⁴. В это время, как отметил губернатор, множество уголовных и гражданских дел и в других «обревизованных» окружных судах «не имели движения»⁶⁵.

На тщетность всяких проверок указывал в переписке с западно-сибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом и Арцимович: «Несмотря на все стремление и заботливость вашего превосходительства, строгие и подробные ревизии и мои посильные труды об устройстве окружных судов, места сии далеко не соответствуют видам правительства, полагаю даже, что и невозможным достигнуть существенных улучшений по этой части управления, при условиях службы в судебных инстанциях первой степени и недостатке образованных юристов и во внутренних губерниях»⁶⁶. Представители сибирской общественности также сигнализировали о неэффективности ревизионных осмотров. «Ревизии решительно не помогают делу», — писал в 1877 г. знаменитый сибирский деятель В.И. Вагин⁶⁷.

Между тем, с 1830-х гг. в стране стала применяться практика отказа от сословного правосудия, которое все меньше удовлетворяло чиновников и общественность. Начальник Второго отделения его императорского величества канцелярии М.А. Балугьянский еще в 1820-х гг. писал о тех, кто осуществлял суд: «Определение судей посредством выборов на три года преграждает навсегда возможность, чтобы когда-нибудь судьи приобрели нужные сведения, опытность и то уважение,

которым отличается судья долговременно и непременно производящий правду. Какой судья деревенский помещик, отставной офицер или мещанин, избранные на три года и ожидающие с нетерпением своей смены»⁶⁸? В свою очередь руководство западносибирских губерний не раз обращало внимание на сомнительное качество контингента депутатов от сословий. Томский губернатор А.Д. Озерский, ознакомившись с положением дел в судах, заключил, что их члены, избранные городским обществом, «малограмотны и иногда совершенно неграмотны»⁶⁹. Западносибирский генерал-губернатор И.А. Вельяминов прямо указывал на то, что члены Томского городского суда были «невежественны»⁷⁰. В 1859 г. Гасфорд доводил до сведения Сибирского комитета: «Между купеческим и мещанским сословием там весьма трудно найти людей с тем образованием и сведениями, какие нужны для исполнения обязанности городских судей, то эта часть управления находится везде в более или менее неудовлетворительном состоянии, от чего неизбежно терпят и благосостояние частных лиц, и общественное спокойствие и порядок»⁷¹.

Соответствующие оценки получала деятельность сословных органов. Так, в 1822 г. только что вступивший в должность Капцевич обнаружил дела Томского магистрата «в беспорядке», и производились они «столь медленно», что нашлись такие, которые были заведены еще в 1784 г.; в 1830 г. Вельяминов вскрыл серьезные «неисправности и упущения» в функционировании Каинской городской ратуши; в 1845 г. все городские ратуши и некоторые городские суды Томской губернии получили выговоры и «строжайшие выговоры» Томского губернского правления за «недоставление» сведений о работе, а за повторные нарушения такого рода их членам была обещана «чувствительная пеня»; в 1846 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков обратил внимание на недостатки в деятельности каинской ратуши, причиной которых, по его мнению, являлись «явное нерадение и беспечность ратуши»; в 1854 г. члены Томского городского суда, как выяснил томский окружной стряпчий, не посещали службу (он «не нашел в оном ни одного из членов того суда, кроме секретаря»); в 1850-х гг. в том же суде «допускались беспорядки по делопроизводству», а одна из ревизий выявила там дело, которое тянулось более 16 лет⁷².

Тем не менее, рассматривая возможности объединения судов сословных и общей юрисдикции первого звена в целях облегчения выборов в малых городах, оптимизации расходов по ведомству и улучшения порядка судопроизводства, правительство сталкивалось с устойчивостью корпоративного самосознания. Купцы и мещане высоко оценивали собственные органы. Так, еще во время осуществления реформы Сперанского к числу «малолюдных» был отнесен Курган, лишившийся ратуши. Жители окружного центра обратились к губернским властям с просьбой оставить статусный сословный орган: «Город Курган, по Высочайшему учреждению 22 июля 1822 г. об управлении Сибирских губерний, причислен к городам малолюдным, в коих городское хозяйство ведают городские старосты и словесные суды, а дела тяжёбые и уголовные суды окружные; ратуши же должны упраздниться. Но как общество по двадцатилетнему существованию ратуши, привыкнув к образу сего управления, не считает для

себя обременительным ни выборов в общественные должности, ни расходов по сей части, то просит оставить ратушу на прежнем основании, если сие не будет противно упомянутому Учреждению». Не против такого обхода закона выступали тогда Осипов, Капцевич и председательствовавший в Сибирском комитете граф В.П. Кочубей, но после проверки состояния города Тобольской казенной палатой Совет главного управления Западной Сибири приказал закрыть курганскую ратушу ⁷³.

В 1837 г. Министерство внутренних дел опросило городские условия империи и убедилось в повсеместном нежелании горожан доверить свои дела чиновному аппарату. К примеру, купцы и мещане Тобольской губернии «решительно отказались от присоединения дел своих к уездным судам» ⁷⁴. Но в июне 1846 г. Государственный совет признал «необходимым уничтожить постепенно отдельные городские судебные места и всю судебную часть сосредоточить в уездных судах» ⁷⁵. В 1850-х гг. в российских городах уже допускалось объединение городских судов и ратуш с уездными судами в виде особых законодательных исключений. В поле зрения высших государственных органов попали и городские суды, действовавшие в Сибири. Сибирский комитет, считая, что «опыт этого соединения мог бы быть полезным при окончательном обсуждении предполагаемого Министерством внутренних дел общего преобразования городских судов», предложил Главному управлению Западной Сибири обсудить его применение в крае. В 1859 г. Александр II, согласно представлению Гасфорда и положению Сибирского комитета, «признавая полезным в городах Омск Тобольской губернии и Каинск Томской губернии соединить в виде опыта городские суды с окружными судами», повелел «городские суды сих двух городов упразднить, и затем все подлежащие рассмотрению их уголовные и гражданские дела отнести к ведомству местных окружных судов». В состав окружных судов включили депутатов от городских «обществ». Словесные суды перешли в зависимость от окружных. В малонаселенных заштатных городах обязанности словесных судей по-прежнему возлагались на старост ⁷⁶. В 1859—1860-х гг., не дожидаясь результатов данного эксперимента, Тобольский и Томский губернские советы рассмотрели вопрос о соединении магистратов и ратуш с местными окружными судами, настаивая на осуществлении этой меры ⁷⁷. После трехлетнего испытания правосудия без сословных судов в Омске и Каинске Совет Главного управления Западной Сибири признал опробованный «опыт полезным» и предложил реализовать его повсеместно ⁷⁸.

Положение Сибирского комитета от 24 июля 1864 г. упразднило городские суды в Тобольске, Томске и Тюмени, ратуши в Барнауле, Кузнецке, Таре и Туринске. Было подтверждено исключение из компетенции окружных судов в Тобольске и Томске права свидетельствования крепостных и явочных актов, предоставленного губернским правлениям, нотариусам и маклерам. В то же время в Березовский, Бийский, Ишимский, Курганский, Мариинский и Ялуторовский суды вводился дополнительный заседатель «как для законного ограждения прав подлежащих ведомству их граждан, так и для единообразного устройства вообще окружных судов в Сибири». В производстве Петропавловской городской ратуши, учрежденной вза-

мен «хозяйственного управления» лишь в 1852 г., оставили «все иско-вые и тяжёбные дела», а уголовные подлежали передаче в Ишимский окружной суд ⁷⁹. Таким образом, наносился очередной удар по сословному правосудию: хотя представительство купцов и мещан в окружных судах сохранилось, горожане лишились обособленной юстиции.

Где-то к такой мере горожане были давно готовы. Например, еще с 1853 г. из Каинска поступали «предположения» о закрытии Каинской городской ратуши, так как «в малочисленном обществе этого города ощущался недостаток в людях, могущих занимать общественные должности». В 1855 г. Томское губернское правление «нашло закрытие Каинской городской ратуши полезным для общества, ибо с уничтожением ратуши, общественные расходы значительно уменьшатся, а равно и жители будут облегчены от общественной службы» ⁸⁰. В иных городах закрытие корпоративных судебных органов шло вразрез с интересами купеческо-мещанского населения. Уже в январе 1862 г. Омская городская дума адресовала западносибирскому генерал-губернатору А.О. Дюгамелю «приговор» о желании «общества» восстановить городовой суд. Однако Совет Главного управления Западной Сибири, руководствуясь реформаторскими целями правительства, отклонил ходатайство и, напротив, обосновал необходимость распространения новых правил судоустройства на весь край. «Все вообще городовые суды и ратуши при нынешнем их составе находятся в неудовлетворительном состоянии, так как судьи и заседатели, по недостатку образования, оставляют все дела на произвол секретарей», — аргументировали чиновники, настаивая на объединении присутствий «для более правильного и успешного производства уголовных и гражданских дел, входящих в круг их занятий» ⁸¹.

В 1860-х гг. в империи началось введение в действие Судебных уставов Александра II, и участь российской сословной юстиции была решена. Ей не осталось места в «равном для всех» судопроизводстве. Разложение сословных устоев отмечалось и в деятельности юстиции Западной Сибири. Так, в 1866 г. Омский окружной суд перестал решать дела горожан. Один из заседателей, избираемых обществом купцов и мещан, «с давнего времени совершенно не являлся в суд», лишь расписываясь в прочтении повесток. Не помогали ни доносы на него в Тобольское губернское правление, ни внушения губернатора Деспот-Зеновича. Другой заседатель от горожан также редко посещал место службы, «будто бы по болезни», и окружной суд вынужден был просить Омскую городскую думу прислать «для заседаний в присутствии одного из гласных», но та просьбу проигнорировала ⁸². Окружной город не востребовал право представительства в суде общей юрисдикции.

Ревностное отношение купцов и мещан к собственным судам и пренебрежительное к членству в судах общей подсудности составляли, судя по всему, устойчивое явление. Когда ликвидировались магистраты и ратуши, горожане не видели резона посещать заседания «чиновничьего» суда. Вместе с тем, реализация в Сибири городской реформы 1870 г. продемонстрировала несовместимость новых порядков с отживающими: бессословность городских дум никак не согласовалась с выборами ими сословных представителей в судебные органы. В Томске по этому поводу произошло столкновение между губернским советом и думой, которые, однако, сходились в том, что ситуация коренным

образом изменилась. Городской голова З.М. Цибульский выразил такое мнение: «Выборы заседателей в окружные суды до градских дум не относятся...: означенные выборы находятся вне действия Городового положения, в которых о выборах заседателей окружных судов ни слова не говорится». Совет же постановил, что думы должны избирать заседателей, притом управляющим казенной палатой было высказано особое мнение: «Заседатели и кандидаты к ним избирались прежде односословным городским обществом, ныне думы всесословные. Почему возлагать на думы выбор заседателей от известного только сословия не нахожу основания, да и вообще, цель, для которой выбирались заседатели по упразднению городских судов утратила силу. Почему настоящее обстоятельство полагал бы представить на благоусмотрение генерал-губернатора»⁸³. Неудивительно, что в ходе судебного преобразования 1885 г. в Сибири, внедрившего в судоустройство и судопроизводство некоторые начала Судебных уставов, отменялось присутствие в судах и участие при производстве досудебных следствий по делам о купцах и мещанах представителей от этих сословий⁸⁴.

Потребность коренного преобразования сибирской юстиции назрела сама собой в ходе реализации в России судебной реформы 1864 г., которая привела к организационно-правовому обособлению судебных органов от администрации, улучшению их деятельности в империи. Высшая администрация Западной Сибири, постоянно замечая в работе местных судов «неуспешность» и «чрезвычайную медленность в производстве», «совершенное бездействие»⁸⁵, «чрезвычайную запутанность накопившимися с давних лет» делами⁸⁶, «не весьма хорошее состояние»⁸⁷, чудовищную волокиту, видела стратегической задачей в судебном строительстве подготовку края к введению Судебных уставов. Чиновники, обнадеженные циркулярами столичных ведомств, старались оказать намеченному мероприятию всяческое содействие. Так, Деспот-Зенович 15 августа 1865 г. «наказывал» подчиненным: «Ввиду предстоящего осуществления судебной реформы, представляется весьма важным, для облегчения перехода от старого порядка судопроизводства к новому, принять меры к скорейшему окончанию дел, производящихся в существующих ныне судебных местах»⁸⁸. Уверенные в том, что скоро в крае будут введены мировые суды, члены Томского губернского совета, возглавляемого губернатором Г.Г. Лерхе, на заседании 24 января 1868 г. обязали окружных исправников собрать необходимые для реализации этого мероприятия сведения⁸⁹.

Однако в связи с наметившимся изменением отношения правительственных кругов к юстиции, процесс учреждения новых судов на территории империи подвергся корректировке. Комиссия под председательством В.П. Буткова, разрабатывавшая проект преобразования судебных органов Сибири, в 1870 г. была закрыта⁹⁰. Западносибирским администраторам и общественности оставалось привлекать внимание правительства к нуждам края, указывать на желательность здесь реформы судоустройства и судопроизводства и, в меру сил, готовить для нее почву. В частности, современникам запомнилось «блестящее управление»⁹¹ западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казанкова (1875—1881 гг.), который целенаправленно исправляя ошибки прежних управляющих и заботясь о повышении образовательного

уровня чиновничества, способствовал распространению просвещения. К его личным заслугам относили открытие первого сибирского университета в Томске, реальных училищ в Тюмени и в Томске, гимназии в Омске и т.д.⁹². Желая улучшить правосудие, он приглашал для работы в местных судах молодых юристов из Европейской России⁹³, постоянно обращался за юридическими советами к выдающемуся судебному деятелю А.Ф. Кони и даже сделал последнему предложение занять должность тобольского губернатора⁹⁴.

В 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири упразднили, ее губернии подчинили «общему порядку губернского управления»⁹⁵, что стало поводом вновь поднять вопрос о необходимости преобразования суда. «Судебная реформа более других необходима, — докладывал министру юстиции один из чиновников, участвовавший в мероприятии по ликвидации генерал-губернаторства, — оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно»⁹⁶. Местное правосудие не удовлетворяло ни население, ни уже саму государственную власть. «Сибирский вестник» в преддверии намеченного судебного преобразования подвел определенный итог работы юстиции, действовавшей со времен Сперанского: «Отсутствие правильного и быстрого судопроизводства одинаково парализовало деятельность и администрации, и органов общественного самоуправления, упрочивая произвол и пренебрежение к закону, который в умелых руках исполнителей весьма легко обращался против обывателя»⁹⁷. Томский губернатор И.И. Красовский в записке министру юстиции Д.Н. Набокову в 1884 г., указывая на «крайнюю необходимость» совершенствования системы правосудия, отмечал, что «настоящий порядок следствий и суда самым вредным образом отзывается на всей деятельности местной администрации»⁹⁸.

Благодаря инициативе Набокова, представившего в Государственный совет записку с предложениями «о некоторых изменениях в законах», регламентировавших деятельность сибирской системы правосудия⁹⁹, участь суда, преобразованного Сперанским, была окончательно решена. Судебная реформа 1885 г. ввела элементы состязательности и гласности процесса, установила новые институты судебных следователей и товарищей прокурора и т.д.¹⁰⁰, но, в целом, внесла сомнительные улучшения в судебные порядки края (ее называли не иначе как «полуреформа»). Только распространение в 1897 г. на сибирский регион Уставов Александра II в полном объеме позволило поднять правосудие на новый, более качественный уровень.

Традиционная для времени Сперанского ставка на бюрократическое регулирование судебной системы Западной Сибири, сделанная «Сибирским учреждением», оказалась несостоятельной. Руководители администрации не обладали инструментарием действенного воздействия на юстицию; закрытость судопроизводства, укомплектование судов чинами с низкой квалификацией и сомнительной нравственностью, неспособными сознательно осуществлять правосудие, сословные начала и специфические условия края — все вместе делало функционирование судебной организации неэффективной. Незначительные преимущества в судостроительстве на территории Западной Сибири разом минимизировались, когда в России стала распространяться судебная реформа 1864 г. и правосудие ставилось под общественный контроль.

Примечания

1. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872. СПб. 1872, с. 105—106; ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб. 1898, с. 148.
2. М.М. Сперанскому прямо предписывалось исправить «все то, что будет в возможности, обличив лиц, предающихся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению» (Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб. 1841, с. 1).
3. Цит. по: КОРФ М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб. 1861, с. 175—176; СПЕРАНСКИЙ М.М. Юридические произведения. М. 2008, с. 178—179; ШИЛЬДЕР Н.К. Ук. соч., с. 148—150.
4. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова]. — Русская старина. 1878, т. 23, с. 525.
5. См.: ЯДРИНЦЕВ Н.М. Чувства Сперанского к Сибири. — Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876, с. 397—408.
6. КОРФ М.А. Ук. соч., с. 177.
7. См. напр.: Н.Я. [ЯДРИНЦЕВ Н.М.] Сибирь перед судом русской литературы. — Томские губернские ведомости. 5.III.1865; Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М. 1869, с. 11—12; ПОТАНИН Г.Н. Нужды Сибири. Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб. 1908, с. 285.
8. КОРФ М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М. 2010, с. 305.
9. Письма Сперанского..., с. 5.
10. БЫЧКОВ И.А. М.М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова). — Русская старина. 1902, т. 112, с. 40; МИНАЕВА Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVIII — первая половина XIX вв. М. 2009, с. 304.
11. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск. 1884, с. 102.
12. «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М.М. Сперанского. 1819—1821 гг. — Исторический архив. 2006, № 5, с. 171.
13. Полное собрание законов (ПСЗ). Собр. I, т. 36, № 27722.
14. Н.Я. [ЯДРИНЦЕВ Н.М.] Ук. соч.
15. Граф М.М. Сперанский в Тюмени. — Русская старина. 1896, т. 87, с. 294.
16. НОЛЬДЕ А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М. 2004, с. 150.
17. АНДРИЕВИЧ В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. (Период с 1806 по 1819 г.). СПб. 1889, с. 308, 313.
18. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. 1892, с. 513.
19. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 329, оп. 12, д. 25, л. 24об.; д. 30, л. 8—9; д. 34, л. 1—4; д. 35, л. 1—2.
20. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 376.
21. ПСЗ. Собр. I, т. 29, № 22143.
22. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 484.
23. АНДРИЕВИЧ В.К. Ук. соч., с. 304; НОЛЬДЕ А.Э. Ук. соч., с. 152; ШИЛЬДЕР Н.К. Ук. соч., с. 146.
24. АНДРИЕВИЧ В.К. Ук. соч., с. 280.
25. ГАТ, ф. 329, оп. 12, д. 25, л. 19, 24об.; д. 30, л. 8—9.
26. НОЛЬДЕ А.Э. Ук. соч., с. 156—159.
27. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 525.
28. ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 889, л. 100.
29. В комитет под председательством В.П. Кочубея входили А.А. Аракчеев, Д.А. Гурьев, А.Н. Голицын, Б.Б. Кампенгаузен, М.М. Сперанский. ПСЗ. Собр. I, т. 37, № 28706; РЕМНЁВ А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). М. 2010, с. 255.
30. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125.

31. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 85, л. 5—10, 15—17об., 27—37об.
32. В частности, в наиболее фундаментальном дореволюционном исследовании сибирской управленческой политики М.М. Сперанского «Сибирские окраины» С.М. Прутченко говорилось, что «даже официальные ревизии свидетельствовали о “безжизненности” важнейших установлений, организованных по Сибирскому учреждению, произнося тем самым весьма суровый приговор самой системе управления края». ПРУТЧЕНКО С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб. 1899, с. 390. По словам Н.М. Ядринцева, «новое учреждение сибирского управления не удовлетворило ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены». ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 516.
33. СЕРЕДОНИН С.М. М.М. Сперанский. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. Т. 25. СПб. 1910, с. 237.
34. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 527.
35. СПЕРАНСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 194—195.
36. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 525.
37. См. напр.: ВАГИН В.И. Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. СПб. 1872, с. 1—2; МИНАЕВА Н.В. Ук. соч., с. 304; «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова»..., с. 167.
38. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 526.
39. КОРФ М.А. Жизнь графа Сперанского, т. 2, с. 192.
40. СЕРЕДОНИН С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб. 1909, с. 113—114.
41. ЧЕРЕПАНОВ С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака. — Древняя и новая Россия. 1876, № 6, с. 191.
42. В комитете 6 декабря 1826 г., например, предлагалось распространить некоторые черты сибирского управления на остальную Россию. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб. 1894, с. 226.
43. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 305.
44. ПРУТЧЕНКО С.М. Ук. соч., с. 400.
45. Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М.А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб. 1894, с. 217.
46. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 72, 120, 126.
47. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 85, л. 9об.—10об., 22, 24—26об.
48. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 132, 373.
49. Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 51, оп. 1, д. 400, л. 54.
50. См.: РУТЦ М.Г. К вопросу о состоянии городов Западной Сибири в первой половине XIX в. Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул. 1998, с. 124—126; ЕГО ЖЕ. К вопросу об особенностях социальной структуры городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. Там же. Барнаул. 2000, с. 306—309.
51. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 901, л. 1—32 об.; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1264, оп. 1, д. 183, л. 1—4.
52. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 192, л. 1—5.
53. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 19, 33.
54. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 527.
55. Там же, с. 523.
56. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 228, л. 14—14об.
57. ГАТ, ф. 329, оп. 1, д. 3, л. 3, 10—13.
58. Переписка А.Н. Муравьева. В кн.: Выдущиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень. 2000, с. 319, 321.
59. РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск. 1995, с. 191.
60. ГАТ, ф. 154, оп. 20, д. 2036, л. 1об., 29.
61. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 31.

62. СК-ЕВ [СКРОПЫШЕВ Я.С.] Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854—1858 гг.). — Вестник Европы. 1897, № 11, с. 13—15.
63. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4573, л. 7—7об.
64. ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 221, л. 2, 7об.
65. См. напр.: Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 16 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск. 1867, с. 301.
66. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 31—31об.
67. СИБИРЯК-ЮРИСТ [ВАГИН В.И.] Опыты гласного суда в Сибири. — Сибирь. 17.VII.1877.
- 68.. Рассуждения неизвестного..., с. 222.
69. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1160, л. 235.
70. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 25.
71. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 8—8об.
72. ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 2659, л. 2, 17; оп. 13, д. 179, л. 11об.; ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 10; ф. 50, оп. 1, д. 3853, л. 1; ф. 51, оп. 1, д. 1291, л. 132 об.—133; д. 1578, л. 1—1об.
73. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 234, л. 1—13об.
74. Там же, д. 1623, л. 1—9об.
75. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 1, оп. 2, д. 521, л. 118об.—119.
76. ПСЗ. Собр. II, т. 3, № 2079; т. 12, № 10505; т. 24, № 23503; т. 26, № 25695; т. 27, № 26597; т. 29, № 28397; т. 34, № 34406; т. 36, № 37785; ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 1—4; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 566, л. 65—66; РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 1—3.
77. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1160, л. 235—241об.
78. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 154—175.
79. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии..., с. 159—168; РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 7об.—19об.
80. ГАТО, ф. 3, оп. 6, д. 566, л. 65.
81. РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 7об.—19об.
82. ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 221, л. 5—7об.
83. ГАТО, ф. 233, оп. 2, д. 131, л. 2—12.
84. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770, ст. II.
85. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 9, 10об., 21—21об.
86. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 33—34.
87. ГАТО, ф. 3, оп. 13, д. 53, л. 2—2об.
88. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии..., с. 228.
89. ГАТО, ф. 292, оп. 1, д. 157, л. 2.
90. РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
91. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 539.
92. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г., с. 116—117.
93. Восточное обозрение. 15.VII.1882.
94. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. КОНИ А.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М. 1966, с. 230.
95. ПСЗ. Собр. III, т. 2, № 886.
96. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^в, л. 2.
97. Сибирский вестник. 16.V.1885.
98. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^в, л. 2, 26об.
99. Там же, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1—1об.; ф. 1405, оп. 69, д. 7107^д, л. 1—1об.
100. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770.